

Терещенко А. В.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА «МЕТАМОРФОЗА»: НА МАТЕРИАЛЕ СЕЛЬКУПСКИХ СКАЗОК И МИФОВ НАРОДОВ МИРА

Рассматривается стилистический прием «метаморфоза» в селькупских сказках и мифах народов мира. В ходе анализа фольклорных и мифологических сюжетов выясняются способы, причины, характер и мотивировка метаморфоз, происходящих с персонажами/объектами, задействованными в повествовании. Рассматриваются метаморфозы, в результате которых образуются как одушевленные, так и неодушевленные (топонимы, части ландшафтной оболочки) объекты. Анализируется современная интерпретация метаморфозы в мировой литературной традиции.

Ключевые слова: *метаморфоза, стилистический прием, селькупский язык, селькупские сказки, мифы народов мира, фольклор, перевоплощение, сюжет, мотив.*

За время своего существования человечество создало универсальные культурные феномены, позволяющие лучше понимать друг друга, ощущать связь времен, смысл жизни. К подобным феноменам следует отнести обряды и ритуалы, театральное и прикладное искусства, живопись, сказки и мифы. В этом перечне мифы и сказки занимают совершенно особое место.

Миф (др. – греч. *μῦθος* «сказание», «предание») – своеобразная основа мировоззрения человека, то, что составляет его веру в тот или иной порядок вещей. В мифах ищут подтверждения правоты жизненных устоев, они являются обобщением и освоением культурного пространства.

Сказка, в свою очередь, – один из вечных и уникальных способов понимания и изображения мира и человека, яркий и необычный способ категоризации действительности. Пройдя долгий путь от воспроизведения мифологической картины мира до символического (часто философского) переосмысления, именно сказка является одним из первых источников, с помощью которых ребенок познает окружающий мир и самого себя.

Учитывая сравнительно небольшой объем текста, сказка позволяет судить и делать весьма обоснованные выводы о становлении и динамике развития общества, выработанных этносом морально-нравственных и культурных ценностях, об особенностях национального характера и сложившихся национальных стереотипах.

Народная сказка – явление исключительно многообразное. В ней сочетаются национальное и интернациональное, древнее и новое, коллективное и личное, традиционное и импровизационное творческие начала (Ким, 2006: 117).

Не вызывает сомнения тот факт, что мифы и сказки, гармонично сочетая в себе вымышленное и реальное, наличие ценностей и антиценностей, прославление героев и борьбу со злодеями, высокие нравственные идеалы и людские пороки, представляют сложные речевые произведения, требующие комплексного лингвистического анализа.

Поворот современной лингвистики к мифологической традиции и сказочному дискурсу как объекту исследования поставил ученых перед необходимостью интерпретации стилистических приемов, заложенных в текстах фольклорных и литературных произведений. Каждый миф и сказка воплощают уникальную картину мира, которая является образным отражением действительности и реализуется в тексте произведения с помощью языковых художественных средств.

Материалом настоящего исследования послужили мифы народов мира и селькупские сказки, являющиеся частью сибирского прозаического фольклора. Сказки коренных народов Сибири (селькупов, хантов, кетов, ненцев, нганасан, чулымцев и др.) покоряют читателей хитросплетениями сюжета, богатством вымысла, изобретательными, бесстрашными и находчивыми персонажами и их героическими подвигами.

Селькупские сказки как ценные образцы мировой фольклорной традиции всегда привлекали внимание ряда выдающихся исследователей. А. П. Дульзон одним из первых обращает внимание на образность и многогранность языка сказок коренных народов Сибири. Сбор, изучение и дальнейшая публикация текстов шаманских камланий является заслугой Е. А. Хелимского и его учеников. В центре внимания современных фольклористов находятся перечисленные ниже аспекты: язык личных песен и шаманских песнопений северных селькупов (О. А. Казакевич); репертуар мотивов и границы географического распространения шаманских легенд (Е. Н. Дувакин); сюжетный состав фольклора в этнографическом контексте (А. А. Ким); цикл *Итя*-сказок и их мотивы: *Итя* и его невеста (*Итя* женится), *Итя* и старик, «Ловушка-дразнилка», *Итя* путешествует на Небо, *Итя* и великан-людоед *Пёнеге* и другие (Тучкова, 2013: 205–207).

Как видно из сказанного выше, специальных лингвистических работ, посвященных интерпретации стилистических приемов (в данной статье – метаморфозы) на материале селькупских сказок, в сущности, нет. Многие вопросы, связанные с функционированием тропов в текстах фольклорных произведений, остаются недостаточно осмысленными и теоретически обоснованными. Кроме того, в статье рассматривается репрезентация метаморфозы в мифах различных народов мира (ацтеков, шумеров, скандинавов, североамериканских индейцев, австралийских аборигенов и др.). Данные утверждения определяют актуальность настоящего исследования.

Наряду с гиперболой, метафорой и сравнением *метаморфоза* – один из наиболее древних и самых эффективных стилистических приемов, который нашел широкое отражение в мифологии, фольклоре и различных жанрах художественной литературы (в балладах, баснях, повестях, рассказах, новеллах, романах).

В «Энциклопедии мифологии» приведено следующее определение метаморфозы: *Метаморфоза* (греч. *metamorphosis*) : 1) превращение одних существ или предметов в другие; 2) превращение, переход из одной формы в другую с приобретением нового внешнего вида и (или) функций; 3) значительное изменение, необыкновенная перемена в чем-либо.

В современной литературе по стилистике нет единства взглядов на природу метаморфозы и тех функций, которые она выполняет. Точки зрения о том, что же такое метаморфоза, крайне противоречивы. По мнению российского лингвиста Д. Э. Розенталя, метаморфоза гораздо колоритнее и динамичнее метафоры. Она категоричнее срав-

нения и отражает процесс перехода одного явления в другое, в то время как метафора и сравнение отражают результат (Розенталь, 2013: 329).

Н. Д. Арутюнова считает, что необходимо четко разграничивать метаморфозу и метафору. Метаморфоза нивелирует роль субъекта, сохраняя только его «оборотень». Она именно демонстрирует, показывает «превращенный» мир; это эпизод, явление, сцена, которая пронизывает собой все развитие сюжета (Арутюнова, 1990: 296–298). Проникновение в область семантики свойственно метафоре, но не характерно для метаморфозы, которая, указывая на «частичное совпадение субстанций», не отлагается в языке в виде особого порождения и преобразования значений. Метафора выделяет сущностный признак объекта, между тем как метаморфоза (иногда и сравнение) обращает внимание на «эпизодическое» превращение (Байдак, 2013: 9–14).

С точки зрения ряда американских когнитивных лингвистов (М. Блэк, А. Ричардс, Д. Дэвидсон), суть любого стилистического приема – конфликт (Black, 1979: 19–45). Метаморфоза (наряду с метафорой) служит тому абсолютным подтверждением. Трансформация в другой образ и последующая проекция одной из систем на другую составляют основу конфликта. Исходя из данного тезиса метаморфозу можно интерпретировать как новый взгляд на объект, который делает обозначаемое видоизмененным понятием (Black, 1962: 128).

Согласно Е. М. Мелетинскому, метаморфозы в наиболее архаичных формах отражают существенные черты ранней мифопоэтической мысли: представление о расплывчатых (нечетких) множествах, членами которых могли быть боги наряду с людьми, животными и неодушевленными предметами, иногда переходящими друг в друга благодаря метаморфозам. Четкое разделение «мира живых» и «мира мертвых», «того света» и «этого света» делало возможным переход из одного измерения в другое лишь посредством обязательных метаморфоз. Древнюю обрядовую основу мифологических метаморфоз составляло рассмотрение предметов и существ как возможных обиталищ (в большинстве случаев – временных) того или иного бога/духа (Мелетинский, 1995: 225).

В мифологии некоторых народов мира (например аборигенов Австралии) самый архаический вид метаморфоз связан с тотемическими представлениями. Во многих космогонических мифах исходным материалом, из которого благодаря метаморфозам возникают части мироздания или земной поверхности, служит тело убитого великана, чудовища или другого сверхъестественного существа. Так, в ацтекском мифе боги *Кецалькоатль* и *Тескатлипока* разрывают на части богиню *Тлатекутли*. Части ее тела благодаря метаморфозам становятся географическими объектами или предметами растительного мира. Так, из ее длинных волос возникают цветы, кустарники, травы и деревья, из глаз – водные источники, рот превращается в бурлящие потоки, а плечи – в горы и скалы (см. Мифы народов мира).

В волшебных и фольклорных сказках метаморфоза становится формальным приемом сюжетосложения. Так, сюжет селькупской сказки «*Кднгырсеце*» («Семь островов на Енисее»), фактически основан на метаморфозе – этот стилистический прием встречается в тексте четыре раза (Быконя, 1996: 71). Шаман и герой-трикстер *Кднгырсеце*, окунувшись в воду, превращается в щуку. Перевоплощение в рыбу далеко не оконча-

тельно, поскольку, чтобы поговорить с богом *Нумом*, герой оборачивается соколом и взлетает высоко в небо. Лишь только к концу сказки *Кднгырсе* вновь становится человеком. Преследовавший юношу черт превращается в налима. Следует отметить, что перевоплощение в рыбу более характерно для сказочных сюжетов северного диалектного ареала: шаманы превращаются в щуку, а черти – в налимов.

В приведенном выше примере мы наблюдаем так называемое временное превращение с последующим возвращением к первоначальному виду. Подобный вид метаморфоз имеет прямую отсылку к *оборотничеству*, что характеризует подавляющее большинство древнеегипетских богов (*Ра*, *Гор* и др.), героя кетского мифа – разорителя орлиных гнезд. Спасаясь от преследователей, он последовательно превращался в горностаю, оленя и трехногого коня (см. Мифы народов мира).

Для сюжетов селькупских сказок также характерны перевоплощения животного в человека. Авторы «*Мифологии селькупов*» отмечают, что некоторые звери и птицы являются символами конкретных сказочных персонажей, часто превращающихся в птиц, рыб и других животных. Так, для шамана в его путешествиях характерны трансформации в щуку; богатыри принимают облик глухаря, кедровки и орла; девушка и юноша становятся лебедями. Отдельные животные регулярно выступают в ипостаси нечистой силы: черт-старик (в ряде сказок – чертовка) становятся на небольшое время лошадью или вороной; дьявол нередко появляется в обличье маленькой птички, прилетающей из-за моря (МС, 2004: 94).

В сказке «*Темня и нення*» («Брат и сестра»), записанной в с. Нельмач (р. Парабель, Томская область), встречаются сразу три метаморфозы, связанные с перевоплощением животного в человека: лягушка превращается в прекрасную девушку; медвежата, ударившись о землю, – в детей, а их мать медведица – в женщину (Максимова, 1983: 147–148).

В тексте сказки «*Чюн нэ*» («Дочь Земли») из фольклорного сборника «*Сказки нарымских селькупов*» можно встретить еще несколько примеров метаморфозы «человек → животное» и «животное → человек» (Быконя, 1996: 171). Сказочный сюжет повествует о том, как *Дочь Земли*, прикоснувшись к алым драгоценным камням, становится птичкой и приносит возлюбленному целебной воды, тем самым спасая его от смерти. *Дочь Солнца* превращается в лебедя, хотя в селькупском тексте не приводится каких-либо объяснений, как, каким образом и по какой причине происходит это перевоплощение. Спасаясь от погони, возлюбленный *Дочери Земли* падает в воду, превращаясь в камень. Отчаявшись от горя, красавица ударяется о землю, становясь камнем. В точности такая же метаморфоза происходит и с лошадью.

Подобные мотивы перевоплощения в неодушевленный предмет характерны не только для селькупских, но и для русских сказок. Так, в любимой многими детьми русской народной сказке «*Елена Премудрая*» добрый молодец, ударившись об пол (в некоторых текстах – о ковер/землю) становится булавкой. *Елена Премудрая* роняет булавку из своей волшебной книги – данное резкое действие (падение) помогает юноше вновь обрести человеческую ипостась (см. Русские народные сказки). Метаморфозу «добрый молодец → булавка» можно вполне охарактеризовать как сюжетообразую-

ший прием сказки – встречаясь в течение повествования шесть раз, метаморфоза помогает создать сюжетную канву фольклорного произведения.

Значительный интерес представляют метаморфозы, связанные с возникновением сказочных героев из органов (иногда костей) человеческого тела. Подобные примеры встречаются довольно редко в селькупском фольклоре. Сказочная проза повествует о том, что некоторые органы человеческого тела могут являться источниками жизни. Согласно селькупскому поверью, печень наряду с сердцем – главные органы, олицетворяющие жизнедеятельность, поэтому поврежденный враг не оживет лишь только в том случае, если эти органы будут съедены. В сказке «*Nadek i ulyo*» («Девушка и лед»), записанной в чумылькупском диалектном ареале, имеется сюжет о том, как из печени возрождается человек: «Печень в старушку превратилась» (Байдак, 2010: 10). Известны мифы о происхождении некоторых видов ландшафтной оболочки земли из органов: например, трясина (*ымп̄̌а*) появилась на месте легкого (*пук̄̌а*) утопленной в озере чертовки (МС, 2004: 95–97).

Часто в сюжетах сказок метаморфозы происходят через надевание/снятие шкуры животного, как, например, в сказке нарымских селькупов «*Пеге кут таредык азымба*» («Как рябчик человеком стал»). В девяти небольших логически связанных друг с другом главах повествуется о том, как юноша при помощи шкуры рябчика обрачивался птицей или же вновь становился человеком (Быконя, 1996: 139). Метаморфоза в данной сказке носит, скорее, незавершенный характер, поскольку по тексту сказки невозможно судить о финальной ипостаси главного героя (человек или птица).

Смерть – своеобразная мифологическая метаморфоза: превращение человека (чаще всего его души или одной из душ, если религиозные представления этноса предполагают множественность душ у одного человека) в животное или птицу (Ким-Малони, 2010: 88–92). Иногда данное превращение происходит не сразу после смерти, а спустя несколько лет, как в ацтекских мифах о небесном доме солнца. Согласно древнемексиканским мифам, умерший человек мог трансформироваться в человека другого пола: если женщина умирала в родах, то на «том свете» она претерпевала метаморфозу, становясь воином в доспехах и с оружием (см. Мифы народов мира).

Для селькупского фольклора в целом характерны метаморфозы, в результате которых возникают *географические объекты (топонимы)*. Как правило, подобные метаморфозы имеют многоступенчатую структуру, как в приведенном ниже примере: предмет → предмет/часть ландшафтной оболочки/кольцо → котел/чум/точило → остров/парка → земля, поросшая мхом. Зафиксированы некоторые сказки, где перевоплощениям подвержены явления природы (гром/молния → объект поклонения).

В мифах многих народов Евразии (особенно Восточной Азии) и Америки в классическом и довольно распространенном мотиве «магического бегства» спасающийся от преследования герой бросает позади себя последовательно предметы (чаще всего их три), которые благодаря метаморфозам преграждают путь его преследователям, становясь различными географическими объектами (холмами, горами, озерами, лесами, островами).

Аналогичен характер метаморфоз в самодийских, чукотских и юкагирских мифах с тем же сюжетом. Селькупские богатырские сказания служат тому подтверждением.

Например, если богатырь бросал на пути врага точило, то оно превращалось в остров (Полякова, 2011: 158). Горный хребет (*толакка*) считался объектом мифологизации и мог возникнуть, по поверьям, на месте брошенного кремня (*шекыт пу*) или гребня (*тинсы*).

Там, где от руки богатыря гибли враги, возникали горы, холмы, мысы. Если богатырь сам погибал в бою, то на месте его падения мог появиться камень/каменный порог на реке (подобный сказочный сюжет записан на р. Парабель, Томская область). Типичным жилищем богатыря, как повествуют селькупские сказки, были огромные землянки (*мадурит карамо*), на крышах которых росли священные леса, а затем возникали богатырские острова и мысы (МС, 2004: 96). Следует сделать вывод, что наличие конкретных сказок о происхождении того или иного топонима свидетельствует о том, насколько важны для селькупов были эти географические объекты.

Подытоживая лингвистическую информацию, полученную из селькупских богатырских сказаний, отметим, что появление топонимов и гидронимов, как правило, связано с действиями по направлению к поверхности земли. Данные действия имеют ускоренный, стремительный, часто молниеносный характер: падение, бросок какого-либо предмета на землю, резкое вонзание оружия в землю и т. д.

Сравнивая селькупские богатырские сказки и мифы народов Евразии и Америки, можно отметить ряд сходств и отличий: в мотиве «магического бегства» совпадает характер бросаемых предметов (материал, претерпевающий метаморфозу) и характер препятствий, возникающих благодаря метаморфозам этих предметов на пути преследующих (горы, холмы, леса, реки, острова). Как правило, разнится количество бросаемых предметов: в селькупских сказках богатырь бросает один или два предмета (кремень, гребень), в евразийских и американских мифах чаще всего фигурирует три предмета.

Метаморфоза – распространенный и излюбленный стилистический прием в литературной традиции разных эпох. Античные поэты и писатели часто прибегали к использованию метаморфозы (например, как прием сюжетостроения), подвергая ее разнообразным переосмыслениям. Так, в поэме Овидия «*Метаморфозы*» (см. Овидий Публий. *Метаморфозы*) перед читателем предстает целая галерея мифологических образов, основанных на метаморфозе: *Арахна* превращается в паука из-за собственного высокомерия и оскорбления богов; *Нарцисс* становится цветком в наказание за самовлюбленность; *Гелиады* предстают в обличье тополей, поскольку нарушили запрет отца; слезы *Гелиад* становятся прозрачным янтарем и др. (см. *Метаморфозы*. Энциклопедия символики и геральдики).

В европейской и американской литературе периода романтизма (XVIII–XIX вв.) сюжеты, связанные с метаморфозами, иногда получают новое осмысление в духе поэтики иррационального, сохраняя при этом древние истоки.

Классическим образцом использования метаморфозы в литературе XX в. можно считать новеллу Ф. Кафки «*Превращение*» (см. Кафка Ф. *Превращение*), написанную в свойственной писателю «протокольной» форме. Главный герой рассказа Грегор Замза, простой коммивояжер, проснувшись утром, обнаруживает, что превратился в ужасное насекомое. В свойственной Ф. Кафке манере причина метаморфозы, события, ей

предшествующие, не раскрываются – читатель просто поставлен перед фактом, что превращение свершилось. Метаморфоза наряду со множеством мелких реалистичных деталей дополняет картину, помогая раскрыть общую тенденцию гротеска.

Подводя итоги, сделаем ряд выводов: метаморфоза – один из наиболее распространенных стилистических приемов в фольклоре и мифологии. Обладая сюжетообразующей функцией, метаморфоза придает тексту сказки дополнительный колорит, способствуя большему вовлечению читателя в повествование.

Способы перевоплощений могут быть разные: удариться о землю (*Дочь Земли* становится камнем; богатырь превращается в хищную птицу мышелова; добрый молодец → булавка); прикоснуться к предмету, наделенному волшебными свойствами (*Дочь Земли* касается алых драгоценных камней и становится птичкой); надеть/снять шкуру животного (сказка «Как рябчик человеком стал»); пожевать какой-либо предмет и сплюнуть (кольцо превращается в дом, семиверхую лодку или медный котел); пнуть, пихнуть кого-/что-либо (герой пнул парку → мшистый участок земли; пихнул коня → землей стал/под землю ушел); съесть что-либо (мальчик съел ягоду и сам превратился в нее). Процесс перевоплощения обычно ситуативно и контекстуально описан в тексте сказки или мифа. Возможны неоднократные превращения, которые наиболее типичны для шаманов в селькупских сказках.

Как правило, в мифах и сказках метаморфоза происходит по одной из следующих причин: «магическое бегство» персонажа, при котором он перевоплощается в более ловкое, сильное, бесстрашное существо; необходимость спасения жизни другого человека (*Дочь Земли* стала птичкой, чтобы добыть целебной воды для умирающего возлюбленного); сильные чувства (горе, отчаяние, скорбь), которые движут главным героем («мотив окаменения»). Встречаются также тексты, в которых причина метаморфозы либо не совсем ясна, либо не указана.

Сравнение ряда сюжетных схем показывает, что мотивировка метаморфоз может меняться, но существенно, что во всех случаях развитие сюжета осуществляется именно благодаря серии метаморфоз главного персонажа.

Таким образом, селькупские сказки и мифы народов мира служат ценным лингвистическим материалом для изучения стилистических ресурсов языка. Анализ сибирского прозаического фольклора позволяет говорить о том, что описание фигур речи и средств языковой выразительности на материале языков самодийской группы требует дальнейшего комплексного анализа и интерпретации.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
- Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 296–298.
- Байдак А. В. Средства выражения одушевленности/неодушевленности в селькупском языке // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2010. № 338. С. 7–12.
- Байдак А. В. Метафоры и образные схемы в селькупском языке // Томский журнал лингв. и антр. исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Antropology). 2013. № 2 (2). С. 9–15.
- Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Сказки нарымских селькупов: книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык. Томск: Изд-во НТЛ, 1996. 187 с.

- Кафка Ф. Превращение. URL: http://knigger.org/kafka/about/die_verwandlung (дата обращения: 05.07.2014).
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 408 с.
- Ким А. А. О некоторых способах классификации сюжетов и героев народных сказок // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 1 (52). С. 117–120.
- Ким-Малони А. А., Байдак А. В. Принципы номинации селькупских посмертных жилищ в культурном контексте // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 7 (97). С. 88–93.
- Метаморфозы. Энциклопедия символики и геральдики. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Метаморфозы> (дата обращения: 06.07.2014).
- Мифология селькупов / науч. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 382 с.
- Мифы народов мира. URL: <http://www.mifinarodov.com/m/metamorfozyi.html> (дата обращения: 06.07.2014).
- Овидий Публий. Метаморфозы. URL: http://ModernLib.ru/books/nazon_publiy_ovidiy/metamorfozi/read/ (дата обращения: 07.07.2014).
- Полевые записи фонда лаборатории языков и народов Сибири ТГПУ / сост. Н. П. Максимова. Томск: ТГПУ, 1983. Т. 60. С. 147–148.
- Полякова Н. В. Заветные места в картине мира селькупов // Альманах современной науки и образования. 2011. № 10 (53). С. 157–159.
- Розенталь Д. Э. Справочник по стилистике русского языка. М.: Айрис-Пресс, 2013. 496 с.
- Русские народные сказки. Елена Премудрая. URL: <http://ocka3ke.ru/elena-premudraya> (дата обращения: 06.07.2014).
- Тучкова Н. А. Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А. И. Кузьминой // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2013. Вып. 2 (130). С. 205–208.
- Энциклопедия мифологии. URL: <http://mythology.info/> (дата обращения: 07.07.2014).
- Black M. More about metaphor // Metaphor and thought. Cambridge, 1979. Pp. 19–45.
- Black M. Models and metaphors: Studies in language and philosophy. Ithaca, 1962. 267 p.

Терещенко А. В., магистрант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: annadocuments1988@gmail.com

Материал поступил в редакцию 07.07.2014.

Tereschenko A. V.

INTERPRETATION OF THE STYLISTIC DEVICE OF METAMORPHOSIS: SELKUP FAIRY TALES AND WORLD MYTHOLOGY DATA

The article deals with the stylistic device *metamorphosis* and peculiarities of its representation in Selkup fairy tales and world mythology. Metamorphosis together with hyperbole and metaphor is one of the most ancient and effective stylistic devices that is widely used in different folklore and literature genres. In modern linguistics this stylistic device is not thoroughly investigated. Moreover, there is no common point of view on the nature, grounds and motivation of metamorphosis.

Every fairy tale and myth is a complex folklore work that contains all plot constituent parts, characters with their speech peculiarities, philosophic/instructive conclusions. Many aspects of fairy tales discourse need detailed linguistic study.

Selkup fairy tales (for example, folk tales of Narym Selkups, the Parabel region fairy tales) and different ethnic myths (Aztec, Native American, Greek) served as the basis for

linguistic research. During the analysis of folk and mythological plots the author determines ways, reasons, character and motivation of metamorphoses that happened with people/objects involved in the narration.

Metamorphoses have different functions in mythological and fairy tales discourse, i.e. the mean of plot-building, way of revealing hero's character or manner of creating emotional tension (climax).

The grounds of transformation can be the following: “magical escape” motive, motive of turning into stone, touching or eating magical things, putting on/off skin of birds/animals.

Metamorphoses that lead to the creation of animate as well as inanimate (toponyms, landscape parts) objects are considered in the article. The modern interpretation of metamorphosis in world literary tradition is analyzed.

Key words: *metamorphosis, stylistic device, the Selkup language, Selkup fairy tales, world mythology, folklore, transformation, plot, motive.*

References

- Arutyunova N. D. Metaphora i diskurs [Metaphor and Discourse]. *Teoriya metaphor* [Theory of metaphor]. Moscow, 1990. Pp. 5–32 (in Russian).
- Arutyunova N. D. Metaphora [Metaphor]. *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, 1990. Pp. 296–298 (in Russian).
- Baydak A. B. Sredstva vyrazheniya odushevlenosti / neodushevlenosti v selkupskom jazike [Means of expression animacy/inanimacy in the Selkup language]. *Tomsk State University Bulletin, Filology*, 2010, no. 338, pp. 7–12 (in Russian).
- Baydak A. V. Metafori i obraznije shemi v selkupskom jazike [Metaphors and image schemas in Selkup]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, no. 2 (2), pp. 9–15 (in Russian).
- Bykonya V. V., Kim A. A., Kuper Sh. Ts. *Skazki narymskih selkupov: kniga dlja chtenija na selkupskom jazike s perevodami na russkij* [Fairy tales of Narym Selkups: book for reading in the Selkup language with translations into Russian]. Tomsk, NTL Publ., 1996. 187 p. (in Russian).
- Kafka F. *Prevrashchenije* [Transformation]. URL: http://knigger.org/kafka/about/die_verwandlung (Accessed: 5 July 2014) (in Russian).
- Meletinskij E. M. *Poetica mifa* [Poetics of the myth]. Moscow, School “Languages of Russian culture” Publ., 1995. 408 p. (in Russian).
- Kim A. A. O nekotoryh sposobah klassifikatsii suzetov i geroev narodnih skazok [About some ways of classification of folk tales plots and characters]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, no. 1 (52), pp. 117–120 (in Russian).
- Kim-Maloney A. A., Baydak A. V. Printsipi nominatsii selkupskih posmertnih zilisich v kulturnom kontekste [Principles of the nomination of the Selkup posthumous lodgings in cultural context]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, no. 7 (97), pp. 88–93 (in Russian).
- Metamorfozy. Enciklopedija simvoliki i geraldiki* [Metamorphoses. Encyclopedia of symbolism and heraldry]. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Метаморфозы> (Accessed: 6 July 2014) (in Russian).
- Mifologija selkupov* [Mythology of Selkups]. Scientific ed. V. V. Naploskih. Tomsk, 2004. 362 p. (in Russian).
- Mifi narodov mira [Myths of people of the world]. URL: <http://www.mifinarodov.com/m/metamorfozyi.html> (Accessed: 6 July 2014) (in Russian).
- Ovidij Publij. *Metamorfozy* [Ovidius Publius. Metamorphoses]. URL: http://ModernLib.ru/books/nazon_publiy_ovidiy/metamorfozi/read/ (Accessed: 7 July 2014) (in Russian).

Polevije zapisi fonda laboratorii jazykov i narodov Sibiri TGPU [Field archive of the Department of Indigenous People of Siberia, TSPU] by N. P. Maximova. Tomsk, TSPU Publ., 1983. Vol. 60. Pp. 147–148 (in Russian).

Polyakova N. V. *Zavetnije mesta v kartine mira selkupov* [“Sacred places” in the worldview of the Selkups]. *Almanac of modern science and education*, 2011, no. 10 (53), pp. 157–159 (in Russian).

Rozental D. E. *Spravochnik po stilistike russkogo jazyka* [Reference book on the stylistics of the Russian language]. Moscow, Iris-Press Publ., 2013. 496 p. (in Russian).

Russkije narodnye skazki. Elena Premudraya [Russian folk tales. Elena Premudraya]. URL: <http://ocka3ke.ru/elena-premudraya> (Accessed: 6 July 2014) (in Russian).

Tuchkova N. A. *Folklornye teksty s geroem Itya v sobranii A. I. Kuzminoj* [Folklore stories of Itya in the archive of A. I. Kuzmina]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 2 (130), pp. 205–208 (in Russian).

Enciclopedija mifologii [Encyclopedia of Mythology]. URL: <http://mythology.info/> (Accessed: 7 July 2014) (in Russian).

Black M. *More about metaphor. Metaphor and thought*. Cambridge, 1979. Pp. 19–45.

Black M. *Models and metaphors: Studies in language and philosophy*. Ithaca, 1962. 267 p.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: annadocuments1988@gmail.com